

160 ЛЕТ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ДЖУЗЕППЕ ВЕРДИ

МЕЛОДИИ СВОБОДЫ

Обмерзшие на холодном ветру края рва резали, как битое стекло. Ледяная вода подступала к самому горлу, а ноги не чувствовали дна. Силы оставляли мальчика. Вдруг в последний момент чья-то рука схватила тонущего за плечо и потянула вверх. Через несколько минут, сидя у пламени очага, закутавшись в теплый платон, он смотрел на женщину-крестьянку, хлопотавшую у огня. Это была его спасительница.

— Как тебя зовут, сынок? Ты откуда? — спросила она.

— Джузеппе Верди, из Ле-Ронколе, — тихо прошептал мальчик. — Шел к праздничной утрени. Я на органе играю...

...Ему везло на хороших людей. Уличный скрипач Богасетте первым заметил музыкальные склонности сына хозяина захудалой деревенской харчевни. Местный мастер Кавалетти, видя одаренность этого ребенка, бесплатно починил сломанный Джузеппе спинет. Старик Баистрокки, церковный органист в Ле-Ронколе, терпеливо обучал его своему искусству. Негоциант Барецци, человек демократических убеждений, страстный любитель музыки, много сделал для того, чтобы юный музыкант мог продолжить свои занятия. На всю жизнь сохранил Верди благодарную память о своем учителе Провези, композиторе и поэте...

Композитор творил в тяжелое для Италии время: его родина томилась под игмом австрийской короны. Но в душе гордого народа жила жажда свободы. В накаленной атмосфере нарастающего революционного подъема мужал гений Джузеппе Верди. Его искусство воплотило в себя думы и стремления поработанного, но не сломленного народа. Героическая мысль прозвучала уже в одной из первых опер композитора «Набукко», премьера которой состоялась 9 марта 1842 года на сцене миланского театра «Ла Скала».

«Ломбардцы», «Эрнани», «Атилла», «Макбет»... И снова публика покорена героиней мелодии композитора. Призыв к освобождению родной земли звучит в «Ломбардцах», обличительные, яркие образы тиранов встают со страниц «Атиллы» и «Макбета», стремлением к свободе исполнена «Эрнани». Не случайно на спектаклях опер Верди неоднократно возникали политические манифестации, а в зал летели брошенные откуда-то сверху листовки. Ожидания во время исполнения «Атиллы» на сцене венецианского театра «Ла Фениче» в ответ на слова одного из героев: «Возьми себе весь мир, лишь Италию оставь мне» — из зала послышались протестующие выкрики: «Нам, нам Италию!»

О чем бы ни писал Верди — о древнем Вавилоне или средневековой Испании, о Франции XIX века или в временах нашествия гуннов, где бы ни разворачивалось действие его опер — в Америке, Англии или Египте, — всегда он пел о своей поработанной родине. Эпиграфом к творчеству Верди могли бы стать слова из его письма к либреттисту Ф. Пиаве. Узнав о революции в Милане, композитор восторженно писал: «Слава героям! Слава всей Италии, которая в эти минуты поистине велика! Час ее освобождения пробил. Народ этого хочет: а когда народ желает, нет ничего, что могло бы ему сопротивляться...» Вот почему традиционные романтические сюжеты, насыщенные дыханием современности, под пером великого мастера оказались необычайно убедительными, обрели подлинно драматическое звучание. Вот почему условные, подчас схематичные герои оперы в творческом сознании художника становились живыми людьми.

Драматургия Верди не знает слабых героев. Его персонажи прежде всего величественны, они как бы вы-

сечены из гранита. Монументальна в своем страдании и жажде мести старая цыганка Азучена из «Трубадура», страшен разгневанный шут Риголетто, посылающий проклятия обидчику своей дочери; прекрасны мужественные образы Анды и Радамеса («Аида»). Даже хрупкая Виолетта Валери («Травиата») покоряет самоотверженной силой своей любви. В этом настойчивом тяготении композитора к возвышенным образам сказалось требование времени: жизнь нуждалась в героях — они появлялись и в самой действительности, и в искусстве. Поэтому Верди в поисках сюжетов обращается к тем творениям мировой литературы, в которых тираноборческие идеи прозвучали с особенной силой, — к произведениям Шекспира, Шиллера, Байрона, Гюго. Не случайно итальянский революционер Мадзини писал Верди: «То, что я и Гарибальди делаем в политике, то вы делаете в музыке; мы все, как умеем, служим народу».

Одна из отличительных черт Верди — поиск новых путей в искусстве. Он стремится сблизить оперу и жизнь. 6 марта 1853 г. в венецианском театре «Ла Фениче» полным провалом закончилась премьера «Травиаты». Причина заключалась в том, что создатель этого произведения («погрешил» против незыблемого закона оперного искусства тех лет и вывел на сцену современников зрителей, сидящих в зале. Более того, он посмел сделать героиней оперы женщину «недостойную» и даже назвал свое детище «Травиата», что по-итальянски означает «отверженная». Время доказало правоту новаторских исканий Верди — его «Травиата» вскоре стала одной из популярнейших опер европейской и мировой сцены. «По прошествии пятидесяти лет никто не вспомнил бы о моей «Даме с камелиями», но Верди обессмертил ее», — сказал как-то Дюма-сын, произведение которого обрело вторую жизнь в музыке гениального художника. В «Дон Карлосе» с небывалой дотоле в европейской опере силой прозвучала политическая идея — развенчание уродующей человека деспотической власти, обличение хищничества и жестокости инквизиции.

Однако новаторство Верди неизменно опиралось на ценные идейно-художественные завоевания его предшественников. Обращаясь к молодым итальянским композиторам, он призывал их внимательно изучать великие творения прошлого. «Когда будет проделана вся эта работа в соединении с широким изучением литературы, я скажу молодежи: теперь, положив руку на сердце, начинайте писать и, если у вас есть творческий темперамент, вы будете композиторами. Во всяком случае, вы не увеличите толпу подражателей и зараженных болезнью нашего времени, которые ищут и никогда не находят».

«Как всякий могучий талант, — писал русский музыкальный критик А. Н. Серов, — Верди отражает в себе свою национальность и свою эпоху. Он — цветок своей почвы. Он — голос современной Италии, не лениво дремлющей или бесечно веселящейся Италии в комических и мнимо-серьезных операх Россини и Доницетти, не сентиментально-нежной и элегической, плачущей Италии беллиниевской, а Италии, пробудившейся к сознанию, Италии, взволнованной политическими бурями; Италии, смелой и пылкой до неистовства».

В. ПАВЕРМАН,
кандидат
искусствоведения.